

Е. А. Резван

**КОРАНИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ИСТОЧНИКИ**

АННОТАЦИЯ. Кораническая этнография в качестве самостоятельного научного направления оформляется только сегодня, при этом она опирается на результаты профильных исследований предыдущих лет, тесно связана с изучением языка Корана и языковой среды Аравии времен пророка, с «этнографическим полем» в Аравии и коранической археологией. Важнейшую информацию способны предоставить ключевые письменные памятники той поры (поэзия, «Аййам ал-‘араб», «Сира» Ибн Исхака, «ас-Сахих» ал-Бухари), а также тексты европейских путешественников по Аравии XVIII — начала XX вв., равно как и изучение профильных предметных коллекций музеев мира. Работы, предпринимаемые в рамках этого научного направления, призваны дать более конкретное представление о ходе исторических событий, связанных с возникновением ислама, предоставить независимые свидетельства, позволяющие в ряде случаев уточнить хронологию фактов и датировки текстов. Результаты, полученные с помощью методик коранической этнографии, помогают в выяснении смысла коранических текстов, поскольку реконструируют исторический фон их возникновения. Важнейшей задачей коранической этнографии является научное обеспечение работы по созданию нового перевода Корана, ведь все существующие словари к Корану, равно как и переводы этого памятника, в очень значительной степени основаны на комментариях к Корану (*тафсирах*), которые являются значительно более поздними источниками, чем сам Коран, и навязывают нам значения, возникшие в другом месте и в другую эпоху.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Коран, кораническая этнография, Аравия рубежа VI–VII вв., возникновения ислама, материальная культура, повседневность Аравии рубежа VI–VII вв., язык Корана, доисламская поэзия и поэзия современников пророка, аравийская эпиграфика, «Аййам ал-‘араб», «Сира» Ибн Исхака, «ас-Сахих» ал-Бухари, тексты европейских путешественников по Аравии XVIII — начала XX вв., историко-этнографические экспедиции в современную Аравию, кораническая археология, профильные предметные коллекции музеев мира

УДК 297.18:39

DOI 10.31250/2618-8600-2018-1-86-118

РЕЗВАН Ефим Анатольевич — д.и.н., заместитель директора, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: efim.rezvan@mail.ru

О люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной
и сделали вас [оседлыми] народами и [кочевыми]
племенами, чтобы вы узнавали друг друга.

Коран, 49:13

Специалист, занимающийся изучением Корана, достаточно быстро сталкивается с закономерностью, которая характеризует развитие библеистики и коранистики (в обоих случаях мы говорим здесь только о западной научной традиции). Первая ведет свою историю едва ли не со времен Реформации и за века своего развития стала комплексом научных дисциплин, опирающихся на теоретические построения и методы важнейших гуманитарных наук. Западная коранистика, возникшая в рамках военно-идеологического противостояния Запада и Востока, несмотря на свое прикладное значение и бесконечную актуальность, никогда не объединяла столь мощные человеческие и научные ресурсы. С этим связано как известное методологическое отставание коранистики от библеистики, так и возможности специалистов по Корану учиться на опыте коллег-библеистов.

Прекрасным примером здесь может являться библейская археология, возникшая в конце XIX в., которая дала в распоряжение исследователей громадный массив нового материала, внешнего по отношению к ветхо- и новозаветным текстам. Благодаря этому сегодня мы можем не только достаточно уверенно реконструировать исторический и культурно-религиозный контекст возникновения библейских текстов, но и зафиксировать удивительную точность, с которой последние вписываются в историко-культурные реконструкции соответствующих периодов. В свою очередь, это дает самые убедительные аргументы в пользу исторической достоверности библейских повествований.

Бурное развитие библейской археологии привело к серьезному изменению ее методологии. Археологические исследования «разбежались» сегодня по регионам, и стало принято говорить, например, об археологии Израиля или сиро-палестинской археологии. Собственно же библейская археология перестала быть полевой дисциплиной и занята сегодня сведением воедино и анализом великого множества опубликованных материалов. Что же касается археологии коранической, то в качестве самостоятельного научного направления она, благодаря усилиям и опыту М. Б. Пиотровского, возникает лишь в самое последнее время (подробнее см. ниже).

Первым научным трудом, посвященным библейской этнографии считается сочинение французского протестантского теолога Самуэля Бохарта (1599–1667), вышедшее в свет в 1646 г. (Bochart 1692). В узком смысле библейская этнография (этнология) — это свидетельства Библии о древних народах, их происхождении, генетических связях и

культуре (см., например, знаменитую родословную народов в X главе Книги Бытия). Даже после блестящих археологических открытий библейские тексты остаются важнейшим источником по истории и культуре народов Передней Азии и Ближнего Востока. Строго говоря, речь идет об исторической или палеоэтнографии, об изучении этнической картины мира и механизмов ее изменения, об объяснении процессов самоорганизации и адаптации этносов к меняющейся природной и социокультурной среде, механизмов функционирования этносов, об истории и этнографии повседневности. Очень важно, что сегодняшние достижения библейской этнологии неразрывно связаны с прогрессом профильных археологических исследований и изучением истории материальной культуры «библейских народов».

Кораническая этнография в качестве самостоятельного научного направления оформляется только сегодня, при этом она, конечно же, опирается на результаты профильных исследований предыдущих лет как отечественных, так и зарубежных.¹ Работы, предпринимаемые в рамках этого направления, призваны дать более конкретное представление о ходе исторических событий, связанных с возникновением ислама, предоставить независимые свидетельства, позволяющие в ряде случаев уточнить хронологию фактов и датировки текстов. Результаты, полученные в рамках коранической этнографии, помогают в выяснении смысла коранических текстов, поскольку реконструируют исторический фон их возникновения. Здесь важно отметить, что существует ряд достаточно влиятельных на Западе научных школ, исповедующих гиперкритический подход к тексту Корана, относящих, в ряде случаев, период сложения текста памятника к рубежу IX–X вв. и обозначающих Север Аравии в качестве места его возникновения.²

Важнейшей задачей коранической этнографии является научное обеспечение работы по созданию нового перевода Корана, ведь все существующие словари к Корану, равно как и переводы этого памятника, в очень значительной степени основаны на комментариях к Корану (*тафсир*), которые являются значительно более поздними источниками, чем сам Коран, и навязывают нам значения, возникшие в другом месте и в другую эпоху.

Кораническая этнография, с одной стороны, опирается на весь арсенал этнографии исторической, а с другой — использует уникальные возможности, связанные с особенностями текста Корана, произнесенного между 610 и 632 гг. главным образом, в Мекке и Йасрибе и дошедшего до нас практически в «магнитофонной записи». Кораническая этнография предоставляет исследователю новые возможности для изучения Аравии

¹ Подробная библиография современных отечественных и зарубежных работ по темам, затронутым в настоящей статье, будет опубликована в журнале «Manuscripta Orientalia» в № 2 за 2018 г.

² См., например, публикации INĀRAH (Institute for Research on Early Islamic History and the Koran). URL: <http://inarah.net/publications> (accessed: 29.04. 2018). См. также (Резван 2001: 185).

рубежа VI–VII вв., периода, сыгравшего важнейшую роль не только в истории этого историко-культурного региона, но и человечества в целом.

Предлагаемый подход позволяет получить важный материал по воссозданию аравийских этногенетических преданий, дает возможность увидеть эволюцию этикетных норм и социальных представлений, выявить элементы социальной стратификации общества и инструментальную роль отношений зависимости/покровительства и взаимопомощи в становлении элементов новой социальной организации (подробнее см.: Резван 2001: 83–168). В рамках предлагаемого подхода А. Ю. Кудрявцева смогла проанализировать три важнейших области материальной культуры жителей Аравии рубежа VI–VII вв.: одежда, жилище, система обеспечения (природно-хозяйственная деятельность и питание) (Кудрявцева, Резван 2016: 76–251).

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ АРАВИИ РУБЕЖА VI–VII ВВ.

Необъятная научная литература, посвященная истории возникновения ислама и личности Мухаммада, фактически обходит стороной историю повседневной жизни Аравии рубежа VI–VII вв. В небольшой степени эта лакуна заполняется работой немецкого исследователя Георга Якоба «Жизнь бедуинов древней Аравии» (Jacob 1897). Спустя пятьдесят лет книга послужила одной из основ диссертационного исследования Элеонор Хойптнер, ученицы знаменитого немецкого арабиста, исследователя и переводчика Корана Руди Парета. Ее работа под названием «Сведения Корана о материальной культуре древних арабов» (Haeuptner 1966) так и не была опубликована. При этом в теоретическом обосновании работы Хойптнер по непонятным причинам отсутствуют указания на работы по истории повседневности. Хойптнер писала свое диссертационное исследование тогда, когда историческое направление, основанное Люсьеном Февром и Марком Блоком и известное как школа «Анналов» (фр. *École des Annales*), находилось на пике популярности.

Сегодня а priori ясно, что, не зная этнографии повседневности Внутренней Аравии, не привлекая к пониманию текста данные современной археологии, говорить о научном подходе к переводу Корана бессмысленно. При этом нужно признать, что значительный объем материалов самого разного свойства в той или иной степени связанных с повседневной жизнью Аравии времен Пророка до сих пор не систематизирован и не исследован комплексно (Kudriavtseva, Rezvan 2013: 19–25).

ЯЗЫК КОРАНА

Почти 70 лет назад Сепир заметил, что «реальный мир» в значительной мере бессознательно строится на языковых навыках каждой

данной группы и что не общий мир под разными ярлыками, а скрытое различие миропонимания проявляется в несходстве языков (Sepir 1949: 162). Здесь важно отметить, что этот язык³ описывает «реальный мир» как он представлялся человеку, жившему тогда и находившемуся в центре фундаментальных изменений, охвативших общество Аравии и, естественно, являвших свое отражение в языке. Проблема состоит в том, как, с помощью каких методик мы, опираясь на языковой материал, содержащийся в Коране, и принимая во внимание все особенности этого памятника, можем предпринять попытку реконструировать «реальный мир» Мухаммада и его современников.

Сегодняшний уровень понимания проблемы позволяет увидеть в Коране «отражение таких интегрирующих устных форм (общих для развития письменных и дописьменных языков), как форма сакрального языка, форма поэтического языка (*койне*), форма обиходно-бытового *койне* межплеменного общения» (Белова 1985: 140–157).⁴ Последняя, очевидно, допускала разнообразие форм и могла сочетать особенности живых диалектов и архаические лексические и грамматические формы.

В целом необходимо ясно осознавать уникальность языка Корана, видеть границы его возможного сопоставления с современным ему языковым материалом. *Lingua sacra* Корана с его «избирательным семантическим спектром», «увещательным стилем» и синтаксисом, который «стереотипен и риторичен» (Wansbrough 1978: 99–100), содержит особый смысловой код, неразрывно связанный как с ситуативным, так и с широким социально-культурным контекстом. Р. Мартин указывал, что при тщательном анализе возможно выявление в коранических текстах «тематических маркеров», которые вызывали у слушателей Мухаммада ассоциации, дополнявшие содержание проповеди символическими значениями, лежащими вне текста Корана, но, тем не менее, принадлежащими к его космогонии (Martin 1982: 378).

Лексика Корана — важнейший источник по этнографии повседневности Аравии рубежа VI–VII вв. В основе исследования лексики лежит подход, основанный на принципе «Коран объясняет сам себя» и использующий сравнительный контекстовый и диахронный анализ лексико-семантических групп языка Корана на основе сопоставления с языковым материалом эпохи (VI–VII вв.). Очень важно, что в тяжелейшие послереволюционные годы К. С. Кашталёва (1897–1939), ученица выдающегося отечественного арабиста академика И. Ю. Крачковского, сумела разработать

³ Подробнее о языке Корана см., например (Zammit 2002).

⁴ Анализ фразеологии речи стилистически различных коранических отрывков дает возможность выявить формы религиозно-экстатической речи, восходящей к практике доисламских языческих прорицателей-кахинов; формы, связанные с традиционной речевой деятельностью племенных арбитров (*хакам*), военных предводителей (*ка'ид*, *ра'ис*, *'акид*), вождей (*сайид*), племенных ораторов (*хатиб*) и поэтов (*ша'ир*), социальные роли которых были объединены в функциях Мухаммада как главы мусульманской общины (Резван 2001: 116–133).

основы этого метода, намного опередив свое время (Дмитриев 2001: 114–129; Резван 2001: 58–60). Принципиальной сложностью являются базовые различия современной картины мира и картины мира, свойственной человеку эпохи Мухаммада. Самое членение мира происходило тогда на совершенно других основаниях, часто малопонятных нам сегодня. Между тем анализ выявленных лексико-семантических групп коранической лексики помогает понять базовые элементы картины мира той поры.

Сегодня хорошо известно, что для Аравии времен пророка была характерна племенная дискретность, что идентичность была основана на принадлежности к отдельной родоплеменной группировке, которых в Аравии существовало множество, и что только соседние народы обозначали жителей Аравии «общим названием “арабы”, то есть “степняки”, “пустынники”, “кочевники»» (Грязневич 1982: 75). При этом анализ языка Корана показывает полную невозможность привести к жесткому и статичному взаимоднозначному соответствию богатую и противоречивую арабскую родоплеменную номенклатуру, часть которой была переосмыслена первоначальным исламом для обозначения идейно-политической общности единоверцев.

Для языка Корана и доисламской поэзии характерна «дробность лексики» и существование функциональных значений: каждое из слов «описывает» лишь одну из сторон обозначаемого объекта, лишь одну из его взаимосвязей. Так, существовало множество терминов для обозначения жилища в зависимости от материала, из которого оно было сделано. Для обозначения возраста человека и животного также употреблялось множество слов, причем «сам термин, которым называли особь, содержал указание на возраст, точнее, на известный момент в ее биологическом развитии. Таким же образом указывалось и время суток, особенно периоды светового дня» (Грязневич 1982: 108). Существование множества слов для обозначения предмета или явления в каждой его функции и проявлении связано с конкретностью мышления носителей языка. Такая особенность лексического строя характерна для языка многих древних народов. В этом находит свое отражение господство в мышлении и лексической системе так называемого принципа дополнительности (Иванов 1984: 7–8), когда цельность восприятия достигается многоаспектностью описания. Эта особенность характерна и для коранических терминов, обозначающих этносоциальные коллективы, которые принадлежат к лексико-семантической группе с родовым понятием *каум*, которое в Коране употребляется очень широко и может заменять другие термины.

Контекстный анализ значений этих терминов позволяет выявить характеристики этносоциальных групп, которые лежат в основе функциональных значений терминов, употреблявшихся для их номинации. Это, прежде всего, участие в военных предприятиях (*каум*, ср.: *ши'а*, *фи'а*, *'усба*).

Термины *ма'шар* и *'ашира* связаны с обозначением социально-полноправной мужской части племени, участников племенного схода. Такое употребление обусловило и характер эволюции значения термина *'ашира*, употреблявшегося чаще всего в тех случаях, когда речь шла о наследовании, и служившего также тогда, когда этносоциальный коллектив рассматривался как сторона в брачных отношениях с другим коллективом.

Термин *нафар* употреблялся тогда, когда этносоциальный коллектив рассматривался с точки зрения числа его членов-мужчин, а термин *ал* тогда, когда говоривший хотел подчеркнуть генеалогический, диахронный аспект существования этносоциального коллектива.

Употребление терминов *рахт* и *фасила* связано с обозначением функций этносоциального коллектива по защите своих членов.

Семантика и характер употребления термина *ахл* связаны с представлением о совместном проживании, а в основе значения термина *хулата* лежит представление о совместном имуществе, сотрудничестве в производственной сфере.

Термин *ша'б* употреблялся для обозначения этносоциальных коллективов оседлых жителей. Употребление термина *кабила*, в основе значения которого лежит представление о соотношении «часть — целое», было связано с обозначением этносоциальных коллективов, ведущих кочевой образ жизни и входивших в племенной союз или этнополитическое объединение. Термин *джибилл* (*джибилла*) употреблялся исключительно для обозначения «древних народов» Аравии, а термин *сибт* — для обозначения иудейских племен-«колен».

Как мы видим, в характере обозначения этносоциального коллектива нашли свое отражение этнодифференцирующие факторы (*ша'б*, *кабила*, *сибт*); особенности его социального функционирования (*ма'шар*, *'ашира*, *фасила*, *рахт*); важнейшие социальные характеристики — численность (*нафар* — синхронный аспект) и время существования, уровень социальной устойчивости (*ал* — диахронный аспект) (подробнее см.: Резван 2001: 74–82).

Текст Корана, равно как и доисламская поэзия свидетельствуют, что употребление термина, обозначающего множество, сообщество для обозначения единицы, входящей в это сообщество, связано с семантической структурой языка, зафиксированного этими памятниками. Как говорилось выше, каждый термин имел значение, подчеркивавшее одну из взаимосвязей описываемого понятия с окружающим миром, одно из качеств обозначаемого предмета или явления. Именно этот аспект значения был для говорившего основным, тогда как противопоставление «единица — множество» не имело в данной системе решающего значения (ср. Гуревич 1972: 74). Человек, воплощавший в себе в данный момент функцию родового коллектива, заключенную в термине, мог и сам обозначаться с помощью этого термина. Такое словоупотребление — свидетельство

«включенности» индивида в кровнородственный коллектив, характерное для общинно-родового сознания.

Важно, что в Коране проявляется новый по сравнению с доисламской бедуинской поэзией взгляд на человека как на индивида, имеющего ценность в своей соотнесенности с Богом, а не с коллективом сородичей. Именно в этой религиозной форме происходило выделение человека как индивида из коллектива. Здесь, однако, речь идет не о становлении человеческой индивидуальности в нашем понимании. Можно говорить лишь о переходе к новому способу включения индивида в общество и подчинения его социальной организации.

Анализ коранической терминологии показывает, что в обществе оседлых центров Аравии на рубеже VI–VII вв. существовала тенденция к сужению рамок этносоциального коллектива, обладающего объемом важнейших социальных характеристик, и к возрастанию роли «малой семьи». Важнейшим механизмом создания переустройства социальной организации и образования раннемусульманской общины стали отношения защиты-покровительства, которые получили новое социально-идеологическое обоснование (Резван 2001: 139–147). При этом анализ нашего материала показывает, что возможность создания новой социальной структуры могла быть реализована только в среде оседлого населения, где перестраивались традиционные общественные связи и возникала потребность в установлении новых отношений между людьми, где все более возрастала важность связей по территориальному признаку, которые при этом продолжали восприниматься как кровнородственные.

Сложные социальные и идеологические процессы, имевшие место в Аравии на рубеже VI–VII вв., в том числе и процесс постепенного преодоления представления об абсолютности племенной дискретности, нашли свое отражение в изменении содержания традиционных этноконсолидирующих и этнодифференцирующих факторов: жители Аравии постепенно приходят к противопоставлению себя неаравитянам уже в качестве единого этнолингвистического и социально-культурного массива. Их объединяла и отделяла от остальных общая вера, ниспосланный богом священный текст (Коран), язык этого текста (*'араби мубин* — «арабский понятный»), общая отличная от всех социальная организация (*'умма*), единственный культовый центр и центр военно-политической власти, преобладающие антропологические признаки (подробнее см.: Резван 1984: 122).

Важность изучения коранической лексики вновь ставит сегодня на повестку дня вопрос создания нового словаря к Корану, основанного на изучении контекстов самого памятника и документированного привлечением параллелей из доисламской и раннеисламской поэзии. Речь идет, по существу, о первом словаре к Корану, опирающемся на языковую среду Аравии времен пророка, а не на позднейшие комментарии. Существующие современные словари к Корану (Ambros 2004; Badawī,

Haleem 2007, см. также Ambros, Procházka 2006) критерию достоверности в полной мере не отвечают, так как прямо или косвенно продолжают опираться на *тафсиры*.

Уникальность текста Корана имеет еще одно важнейшее измерение: речь идет о памятнике, который создавался в ходе мощного религиозно-политического движения, во многом изменившего мировую историю и ставшего его знаменем. Здесь во многом принципиальным является вопрос о самом характере коранического текста: для мусульман — это прямая речь Бога, для западных ученых — собрание проповедей Мухаммада. В то же время очевидно, что какой бы точки зрения здесь ни придерживаться, язык Корана, его эмоциональная насыщенность, система и точность аргументации были таковы, что не только обеспечили достижение конкретной цели, но и превратили Коран, наряду с Библией, в текст, к которому значительная часть человечества не устает обращаться, вычитывая в нем свое, вот уже почти полторы тысячи лет. Образы, запечатленные текстом, были максимально конкретны и точны: призыв к новой вере немедленно находил отклик в сердцах слушателей.

Наше обращение к языковой среде Аравии времен пророка, в первую очередь к доисламской и раннеисламской поэзии — это попытка понять смысл, который был очевиден для современников пророка. Понятно, что в другие исторические эпохи, в другой географической среде, в другом социальном и культурном окружении этот смысл был во многом иным. Для нас очень важно, что такой подход позволяет нам самым активным и доброжелательным образом взаимодействовать как с учеными-мусульманами,⁵ так и с западными коллегами.

Выявление и анализ круга понятий и представлений, связанных с материальной культурой Аравии времен пророка, показали, что основным адресатом коранических проповедей были, несомненно, жители городов и оазисов. Если быть более точным, это *ахл ал-кура* («жители поселений, расположенных на караванных маршрутах»). Вспомним, что Мекка, благодаря своей центральной роли в организации торговли, называется в Коране «Матерью селений» (*умм ал-кура*, 6:92; 42:7). Мухаммад, равно как и упомянутые в Коране пророки, праведники и страстотерпцы, герои и мудрецы, сам вышел из этой среды, и именно «жители торговых селений» создавали вместе с ним и «под себя» ислам как новую религиозную систему. «Мир Корана» — это, в первую очередь, их мир. Коран предоставляет нам бесчисленные примеры, свидетельствующие о глубоких знаниях, связанных с жизнью *ахл ал-кура*. Это не только организация караванов и посредническая торговля, но и орошение, обработка земли, садоводство... (Кудрявцева, Резван 2016: 253).

⁵ Ср.: «Священный Коран, как он и сам неоднократно указывает, был ниспослан, чтобы служить книгой наставления на истинный путь. А один из принципов наставления — говорить со слушателем на одном языке» (Хусайни 1394/1974: 24).

ДОИСЛАМСКАЯ ПОЭЗИЯ И
ПОЭЗИЯ СОВРЕМЕННОК ПРОРОКА

Важнейшую часть наследия доисламской Аравии составляет корпус поэтических текстов, имеющих критическое значение для изучения аравийской языковой среды времен пророка, а значит и для адекватного понимания текста Корана как исторического источника особого рода. Более или менее достоверная история аравийской поэтической традиции начинается в конце V в. с появлением в северо-восточных областях полуострова и в Приевфратье первого поколения поэтов, чьи произведения дошли до нас в более поздней передаче. Представители второго поколения поэтов, персонифицированного в образе Имру' ал-Кайса, создали свод текстов, которые стали образцами для поэтов третьего поколения (середина VI в.), появившихся уже по всей территории Внутренней Аравии, а также в Сирии и Месопотамии. Многие из поэтов четвертого поколения (конец VI в.) стали свидетелями возникновения ислама, когда новая политическая и культурная реальность самым решительным образом вмешалась в поэтический канон.

Джеймс Монроу показал формульный характер дошедших до нас поэтических текстов, что, в свою очередь, доказывает принципиальную невозможность их фальсификации учеными-филологами VIII в., принадлежавшими уже к письменной культуре (Монроу 1978: 93–142; ср.: Vannister 2014).⁶ Сегодня специалисты квалифицируют «древнюю арабскую поэзию как “устную литературу” (понятие введено П. Г. Богатыревым и Р. О. Якобсоном), как одно из переходных от фольклора к литературе явлений» (Куделин 2003: 12; Brown 2003: 29–50).

Принципиально важно то, что за два последних десятилетия самым серьезным образом изменилась ситуация с инструментами изучения интересующих нас поэтических текстов: вышли из печати документированные словари доисламской и раннеисламской поэзии (Lewin 1978; Полосин 1995), в Иерусалиме проделана громадная работа по составлению «Конкорданса древнеарабской поэзии» (Arazi, Masalha 1999).⁷ Были опубликованы новые специальные работы, посвященные языку Корана (Zammit 2002). Чрезвычайно важно и то, что постоянно множится число научных работ, посвященных исследованию различных аспектов доисламской поэзии. Все это самым кардинальным образом повлияло на возможности, связанные с изучением лексики Корана. В свою очередь исключительное внимание к деталям, характерное для аравийской поэзии в целом, дает в руки исследователя важный историко-этнографический

⁶ Баннистер, объединив исторический, лингвистический и статистический анализы и основываясь на новых информационных технологиях, самым убедительным образом выявляет устно-формульный характер коранического текста.

⁷ К сожалению, опубликованный том содержит лишь часть проделанной работы.

материал. Всего один пример: современнику пророка Абу Зу'айбу (ум. ок. 28/649), поэту из племени хузайл принадлежит подробнейшее описание сбора меда диких пчел в горах:

[Вино, смешанное] с нектаром, который пчелы собирают во всяком сокрытом месте, а когда цвет солнца становится желтым, наступает пора им возвращаться [в свой улей],

С нектаром, которым ведают пчелиные вожди, отправляющиеся утром в горы с вершинами до самого неба.

Медоносные [пчелы] укрываются на вершинах гор и опускаются в расселины с извилистыми ручьями.

Когда они поднимаются туда, их рой вздымается с быстротой выпущенных в состязании стрел, устремляющихся к цели.

Пребывают медоносные на плодородной горе, чтобы вскармливать своих сосунков, коричневых крыльшками, пушистых шейками.

Когда человек из рода халид замечает их, словно подброшенную в воздух гальку, весь рой взвивается ввысь.

Он решил на это дело и уверился в том, что ему предназначено добраться до улья этих или других, где пыль как мука.

Ему говорили: «О Харам, сторонись их!», но влекла его величина и ширина медовых сот, представленных со всей очевидностью.

Он привязал веревки судьбы и радовался своей ловкости до тех пор, пока не подвел его их внезапный разрыв.

Он повис над ульем на одной лишь веревке и колышке на скале, гладкой как кусок кожи, даже ворона, пытаясь уцепиться, упала бы плашмя.

И когда дымом выкурил пчел, они замерли в недоумении и оказались в смиренности и печали.

Как хорошо вино аш-Ша'ма и мед, добавленный к чистому выдержанному темно-красному напитку (Абу Са'ид ас-Суккари: 48–54, № 2:15–26).⁸

Удивительным образом практически такой же способ добычи меда диких пчел был засвидетельствован нами в 2017 г. в Омане в районе Джабал Ахдар. Овечье молоко и мед всегда играли значительную роль в рационе жителей горных районов Хиджаза. Это касалось и тех территорий в Тихаме и Хиджазе, которые накануне ислама контролировались хузайлитами и поддерживали теснейшие связи с Меккой. Поэтому далеко не случайно то, что в раю праведным обещаны потоки меда «очищенного» (47:15). Это особый дар, поскольку мед обычно загрязнен инородными телами и его очищение требует известных усилий.

⁸ Перевод Анны Кудрявцевой. Я искренне признателен ей за предоставление в мое распоряжение анализа вышеприведенного фрагмента.

АРАВИЙСКАЯ ЭПИГРАФИКА

Единственными достоверными памятниками доисламской Аравии, содержащими тексты, связанные с событиями прошлого, являются надписи на камне, обнаруживаемые на территории Аравийского полуострова, прежде всего в створе древних торговых путей в местах удобных остановок и водопоев. П. А. Грязневич отмечал, что «как памятники историографии они еще не изучены, между тем эти надписи дают вполне определенное представление о многих элементах понятийного аппарата исторического сознания оседлого населения древней Аравии. Взятые в сравнении с текстами современной им бедуинской поэзии и стихов поэтов оседлых племен, они могли бы принести драгоценные свидетельства о духовной жизни Аравии накануне ислама, о направлении и характере ее развития в мусульманский период» (Грязневич 1982: 122).

Важно, что надписи обычно сопровождаются множеством изображений, в свою очередь содержащих интереснейший историко-культурный материал (Robin 2010: 110–117).

Замечательный пример этому обнаруживается, в частности, приблизительно в 120 км к северу от Наджрана. Здесь расположено урочище Бир Хима, известное своими древними колодцами и поэтому лежавшее в створе древних торговых путей. Здесь же зафиксированы древние палеолитические и неолитические комплексы, которые датируются 2500–1000 гг. до н. э. На сравнительно небольшом участке здесь были обнаружены многие сотни петроглифов, в том числе крупных и сложных разновременных изображений. Наиболее распространены батальные сцены с участием всадников на лошадях и пехотинцев, держащих в руках различные виды оружия. Рядом — изображения страусов, домашнего скота (коров с характерным горбом, овец, верблюдов), финиковых пальм. Здесь же сотни женских образов, которые часто интерпретируют как изображение богини ал-Лат. Они обычно тесно связаны с изображением батальных сцен. Женщины показаны лицом вперед с косами, падающими на их лица и руками, поднятыми вверх. Изображения сопровождаются надписями. Здесь обнаружен в частности арабо-набатеяский текст с крестом, который датируется 364 г. н. э. В пределах 500 м от этого текста зафиксированы строки, принадлежащие доисламскому поэту ал-Адлату б. Курай'у, выполненные почерком *куфи*. Тут же большое изображение орикса внутри южно-арабской надписи, а чуть ниже — фрагмент коранического текста, который с небольшими вариациями встречается в Коране 69 раз (например: 4:135; 5:7; 9:119; 61:14).⁹

М. Б. Пиотровский, много времени посвятивший изучению аравийских граффити подчеркивает, что «надписи на удивление грамотных

⁹ Подробнее см.: Imbert F. Le Coran des pierres à la lumière de quelques nouveaux documents. Доклад на конференции Paleo-Qur'anic Manuscripts Conference: State of the Field (Budapest, May 4–6, 2017).

древних торговцев и караванщиков составляют важную часть памятников на торговых путях. Они писали свои имена, имена богов и царей, упоминали сражения и набеги. При массовом их изучении можно восстановить многие процессы — перемещения народов и властителей, изменения в ритуалах» (Пиотровский 2011: 28).

Исследованию памятников этого типа посвящены сотни научных работ, в том числе фундаментальных исследований и сводов, в настоящее время реализуются несколько важных международных сетевых проектов, которые уже являются серьезнейшим подспорьем в исследовании прошлого Аравии.¹⁰

АЙЙАМ АЛ-‘АРАБ

П. А. Грязневич отмечает, что «словесность кочевого и полукочевого населения древней Аравии не создала специальных форм для описания прошлого, для связного изложения сохранявшихся в коллективной памяти племен исторических знаний. Эти знания бытовали стихийно в устном предании. Ранние мусульманские филологи, собиравшие племенные предания, выделили в них три основные части: прозаические рассказы исторического содержания (*ахбар* и *аййам*), генеалогическое предание, включавшее родословия (*ансаб*), и стихи. Это разграничение справедливо лишь как указание на виды информации, сохранявшейся преданием, и на наиболее характерные формы ее передачи» (Грязневич 1982: 123).

Аййам ал-‘араб («дни [битв] арабов») — доисламская повествовательная традиция, складывавшаяся с V до середины VII вв. Отдельные «дни» — прозаические рассказы со стихотворными вставками — долгое время сохранялись в устной традиции. Филологи-логографы из Басры и Куфы приступили к собиранию и записи предания в VIII–IX вв. (Total-Niehoff 2014: 43–69). В ходе становления мусульманской общности эти тексты выполняли важную функцию исторического повествования о доисламском прошлом Аравии,¹¹ и до нас они дошли в передаче более поздних авторов.

Рассказы о «памятных днях» возникали первоначально как сообщения участников о только что происшедшем событии. В центре внимания

¹⁰ См., например, The Safaitic Database. URL: http://krc2.orient.ox.ac.uk/aalc/images/documents/mcam/mcam_sdo.pdf (accessed: 12.12.2016) и DASI: Digital Archive for the Study of pre-Islamic Arabian Inscriptions. URL: <http://dasi.humnet.unipi.it/index.php?id=1&prjId=1&corId=1&rl=yes> (accessed: 12.12.2016).

¹¹ Ключевой вклад в изучение внесен немецкими учеными. Не так давно в Германии завершен большой исследовательский проект: Angelika Neuwirth (Head). *Ayyam al-Arab als "Tribal History" der arabischen Spätantike: Ein Beitrag zur literarischen und historischen Kontextualisierung der Koran- und Islamgenese* DFG Programme Research Grants Funding (2009 to 2015). Материалы «Аййам ал-‘араб» легли в основу одной из немногих отечественных работ, посвященных анализу внутренних механизмов функционирования общества Аравии накануне возникновения ислама (Негря 1981).

рассказчика находится чаще всего «этико-правовой казус, способ и обстоятельство его разрешения: в чем заключалось нарушение родовых установлений и как оно было компенсировано». В этом состоял главный интерес повествования для слушателей, на него они опирались, определяя свое поведение в аналогичных обстоятельствах. Все сложные коллизии, связанные с «честью», «славой», «благородством» и другими категориями *муруввы* (мужской доблести), составляли важную часть повествований об *аййам*. Они сохраняли опыт отдельной родовой группы, «представление о ее прошлом и о связи с ним, а тем самым ее самосознание как самостоятельной и суверенной человеческой общности. Утрата этих знаний была свидетельством гибели, распада этой общности или поглощения ее другой, более крупной или могущественной» (Грязневич 1982: 129).

Для нас важно, что в ходе устной передачи преданий и их последующего литературного оформления неизбежно происходила не только утрата отдельных деталей и осуществлялась типизация описаний, но и имело место текстуальное редактирование, приводившее к вымыванию редкой лексики и замене малопонятных выражений. Лишь с учетом этих обстоятельств тексты «Аййам ал-‘араб» можно использовать для наших задач. В то же время Изабель Торал-Нихоф, одна из участниц немецкого проекта по изучению «Аййам ал-‘араб», отмечает: «*Аййам* — сообщения о прошлом; как и *ахбар*, они представляли собой фактические отчеты. Они никогда не выходили за границы реалистического изображения событий, что резко контрастирует с более поздней эпической традицией, где чудесное встречается сплошь и рядом. В этом отношении знаменательно, что Ибн ан-Надим обозначал тех, кто собирал *аййам* не как *ахбарийун* (историки или рассказчики), но как *нахвийун* или же *лугавийун* (грамматисты или филологи). Вероятно, это основано на том факте, что большинство из задач первых собирателей *аййам* было изучение лингвистических проблем по преимуществу» (Toral-Niehoff 2014: 146).

«СИРА» ИБН ИСХАКА, АЛ-БАККА’И, ИБН ХИШАМА

Другим важным дополнительным источником является для нас «Сира» Ибн Исхака (ум. 150/767), ал-Бакка’и (ум. 183/799), Ибн Хишама (ум. 218/833 или 213/828) — самое раннее из дошедших до нас и самое популярное произведение арабского средневекового жанра «жизнеописания пророка» (*ас-сират ан-набавиййа*). В России работа по переводу и изучению этого памятника, прерванная смертью Владимира Полосина, продолжена сегодня академиком А. Б. Куделиным (2009; 2014; 2016).¹² В настоящее время специалисты в целом разделяют мнение И. Хоровица, согласно которому «Ибн Исхак привел в порядок материалы традиции, которые его

¹² См. также: Ибн Исхак. Жизнеописание Пророка... 2009; Абд аль-Малик ибн Хишам 2003 (последний текст представляет собой вариант «научно-популярного» перевода).

учителя передали ему и которые он обогатил многочисленными фактами, установленными им самим, чтобы сформировать на их основе хорошо организованное представление о жизни пророка» (Hogovitz 1928: 181).¹³

Подробно анализируя состав сочинения, занимаясь историей текста и проблемой авторства, Куделин пришел к выводу, что «Сира» представляет собой «системное образование из разнородных элементов, скрепленное определенными едиными принципами, что свидетельствует о долгой и целенаправленной работе ее составителя/ей» (Куделин 2009: 92).

Важно, что история передачи текста такова, что собственно труд Ибн Исхака в его оригинальной форме реконструировать невозможно (Samuk 1978: 81, 161–162; Schœler 2002: 8, 85–86). Наша задача, предусматривающая сопоставление лексики, сохраненной для нас этим памятником, с лексикой Корана, заставляет относиться к свидетельствам «Сирь» с понятной долей осторожности. В то же время это — один из наиболее ранних и достоверных памятников, помещающий Коран в событийный контекст, и его лексика безусловно сохранила для нас важный пласт информации, при использовании которой необходимо постоянно иметь в виду сложную историю текста памятника.

Хорошим примером могут здесь послужить, например, сюжеты из «Сирь», связанные с женскими украшениями. Они не только позволяют в ряде случаев уточнить значение коранических терминов, но и дают представление о бытовании тех или иных предметов.

В преддверии ислама комплекс богатых украшений был обязательной частью наряда богатой женщины. Молва о таких украшениях разлеталась по всей Аравии: «Затем Ху'айла бт. Хаким б. Умаййа, жена 'Усмана б. Маз'уна, сказала: "О Посланник Аллаха! Когда завоюешь ты ат-Та'иф, то дай мне украшения (*хулийй*) Бадийи, дочери Гайлана б. Саламы, или же украшения (*хулийй*) ал-Фари'и, дочери 'Акила". То были женщины-сакифитки, и они носили самые дорогие украшения» (Ибн Хишам 1990: IV, 123).

«Сира» передает целую серию очень живых историй, связанных с женскими ожерельями. Так, упавшее с шеи ожерелье (*'икд*) с ониксом (*джаз'*) из города Зафар стало, по преданию, причиной обвинения 'А'иши, юной жены Мухаммада, в супружеской измене и получения пророком оправдывающего ее откровения (см. 24:11) (Ибн Хишам 1990: III, 244).

Со слов 'А'иши передавали, что когда после битвы при Бадре жители Мекки послали выкуп за своих пленных, Зайнаб, дочь пророка, тоже отослала выкуп за своего мужа, попавшего в плен к мусульманам. «Среди разных вещей она послала ожерелье (*килада*), подаренное ей Хадиджей [первой женой пророка. — *Е. Р.*] на свадьбу. Увидев [ожерелье], пророк очень расстроился и сказал: "Если пожелаете отпустить ее пленника на

¹³ Цит. по: (Куделин 2009: 97).

свободу и вернуть ей достояние ее, то сделайте!» Они сказали: «Хорошо, о Посланник Аллаха!» Отпустили его и вернули ей присланное» (Ибн Хишам 1990: II, 294–295).

В другом месте приводятся слова совсем юной девушки, которая вместе с группой женщин вызвалась сопровождать мусульман в походе. После завоевания Хайбара пророк раздал подарки: «Он взял ожерелье (*килада*), которое ты видишь на моей шее, подарил его мне, своими руками повесив мне на шею. Клянусь Аллахом, оно при мне всегда» (Ибн Хишам 1990: III, 291). Женщину и похоронили с этим ожерельем на шее.

«АС-САХИХ» АЛ-БУХАРИ

Ровно то же можно сказать и о «Ас-Сахих» ал-Бухари (810–870), лексические свидетельства которого мы также привлекаем в качестве дополнительного источника. «Ас-Сахих» ал-Бухари — одно из важнейших и наиболее достоверных сочинений, посвященных этико-правовой практике (*сунне*) Пророка, которое в суннитском мире почитается как вторая книга после Корана. Сочинение ал-Бухари считается наиболее достоверным из шести основных суннитских сборников хадисов (*ал-кутуб ас-ситта*). Практика работы последних лет показывает, что привлечение текстов других пяти сборников едва ли способно предоставить исследователю существенный дополнительный лексический материал в рамках тех задач, которые мы себе ставим.

Ал-Бухари завершил работу около 846 г. и до конца жизни дополнял свой труд. Согласно преданию, из 600 тысяч передававшихся в то время хадисов он путем тщательного анализа *иснадов* выбрал 2 602, 2 230 или 2 762 (по разным подсчетам и без учета повторов) (Резван 2000а: 118–119; Brown 2009: 32) «достоверных» (*ас-сахих*), которые впервые сгруппировал по содержанию. Выбор хадисов демонстрирует высокие требования, которые предъявлялись автором к их достоверности.

Труду ал-Бухари посвящена громадная научная литература (Brown 2007: 8–14). Не так давно проф. Джонатан Браун, главный редактор Оксфордской энциклопедии ислама и права, опубликовал обзорный труд по истории сложения и «канонизации» двух важнейших памятников, посвященных *сунне* Пророка, где подвел итог в том числе и изучению труда ал-Бухари (Brown 2007: 65–80). Для нас важно то, что фиксация традиции произошла после двухсот лет ее изустного бытования, что не могло не отразиться на лексическом составе памятника. В то же время труд ал-Бухари был и остается важнейшим источником по коранической этнографии, и свидетельствами этого источника также пренебречь невозможно. Это касается, например, и непростого вопроса о происхождении, функциональной и статусной роли дорогих шелков, для обозначения которых в Коране используются четыре термина (*харир*, *дибадж*,

сундус, истабрак). С одной стороны, согласно *сунне* пророк запрещал мужчинам носить кольца и браслеты из золота, а также дорогие шелка. Сам он носил подчеркнуто простую одежду и однажды отказался от богатого подарка — накидки (*джубба*) из *сундуса* (Al-Bukhari 1997: III, 453).¹⁴ Это, впрочем, не мешало ему, когда того требовала политическая необходимость, отказываться от простоты в пользу образа богатого и могущественного владыки (подробнее см.: Резван 2001: 156–168).

ТЕКСТЫ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПО АРАВИИ XVIII–XIX вв.

Исследователям Аравии хорошо известен феномен длительного сохранения здесь глубоко архаичных элементов материальной культуры и хозяйственной деятельности. Важнейшей основой этого феномена является специфика природно-климатических условий, которая привела к формированию серии компонентов материальной культуры, показавшей свою высокую эффективность на протяжении многих веков. В этой связи серьезным источником для нас являются путевые дневники и труды европейских путешественников, посещавших Аравию во второй половине XVIII — первой трети XX в. Если имена и публикации западных путешественников хорошо известны, их материалы многократно использовались в разного рода исследованиях, посвященных Аравии,¹⁵ то работы русских дипломатов, разведчиков, морских офицеров, ученых и путешественников во многом еще ждут своего часа.

По моему убеждению, интереснейшие находки, связанные с историко-этнографическим изучением Северной Аравии, ждут исследователей в фондах библиотеки Императорского Православного Палестинского общества (ИППО), наибольшая часть которой хранится сегодня в научной библиотеке Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге (Панеях 2014). ИППО вошло на рубеже веков в число наиболее активных собирателей фотографий, посвященных Ближнему Востоку. Это собрание, также хранящееся ныне в ГМИР, представляет для нас самый серьезный интерес (Федотов 2014).

На рубеже XIX–XX вв. *хадж* из пределов России часто рассматривался как важный канал панисламской и пантурской пропаганды, безусловно

¹⁴ А. Ю. Кудрявцева отмечает, что словари, видя противопоставление *сундус* — *истабрак*, обычно понимают первый как вид тонкой шелковой материи в противопоставлении с толстой персидской парчой. По ее мнению, здесь скорее идет речь о противопоставлении на других основаниях: самая дорогая византийская ткань и самая дорогая персидская. Обитатели коранического рая облачены в самое что ни на есть изысканное и дорогое. Отметим также и стабильно зеленую окраску *сундуса* (Кудрявцева, Резван 2016: 93–94).

¹⁵ Подробнее (см.: Reilly 2016; Freeth, Winstone 1978; Trench 1986). Материалы и обзоры на русском языке (см.: Аравия. Материалы по истории открытия... 1981; Першиц 1961: 4–8; Васильев 1999: 10–14).

враждебной интересам империи. Для выяснения истинного положения вещей в 1898 г. в Аравию был направлен русский офицер мусульманского происхождения штабс-капитан 'Абд ал-'Азиз Давлетшин. По возвращении им был составлен интереснейший отчет, опубликованный впоследствии с грифом «Секретно» (Давлетшин 1899). В Архиве востоковедов ИВР РАН в Петербурге хранится не только авторский вариант отчета, но и рукописный дневник, который Давлетшин вел во время путешествия.¹⁶

В начале XX в. на германские деньги было начато строительство гигантской железнодорожной магистрали — от Берлина к Кувейту. Этот проект резко противоречил как русским, так и британским интересам в регионе. В Залив были направлены русские дипломаты и разведчики, впервые в истории здесь оказались новейшие русские крейсера. Эмир Кувейта шейх Мубарак под впечатлением своих бесед с русскими дипломатами и военными отправил в Санкт-Петербург письмо с предложением России поднять свой флаг над Кувейтом. С этим периодом русско-арабских отношений связана целая серия интересных нам документов и публикаций. В первую очередь — это отчеты русских морских офицеров, хранящиеся в Центральном Государственном Архиве Военно-морского флота (см.: Rezvan 1994). Безусловно интересен и отчет Бориса Шелковникова, русского разведчика, прибывшего в Залив в 1902 г. на крейсере «Аскольд» (Шелковников 1904).

В этот период одним из основных проводников официальной российской политики в Персидском заливе был прекрасно образованный консул в Басре А. А. Адамов, не только написавший интереснейшую книгу об «Ираке арабском» (Адамов 1912), но и передавший в МАЭ свои коллекции.¹⁷

Среди людей, активно участвовавших в развитии ближневосточного направления российской политики, был писатель, журналист и «теневого дипломат» Сергей Сыромятников (1864–1933).¹⁸ В 1900 г. он осуществил поездку в район Залива, где у него состоялось множество полуофициальных встреч и бесед на самом высоком уровне. По возвращении он задумал большую книгу, посвященную истории и современному положению княжеств Залива, но смог написать и опубликовать только две главы из нее (Сыромятников 1907). Недавно потомки этого человека обнаружили в фамильном книжном шкафу тайник с документами, посвященными этому путешествию (Сыромятников 2004).

Удивительным образом в дипломатическую переписку между шейхами арабских княжеств Залива и русскими официальными представителями

¹⁶ Комментированное издание «Отчета» Давлетшина и его дневника были опубликованы мной на арабском языке. См.: (Ризфан 1993).

¹⁷ Три предметные коллекции (№ 1843, 1844, 1846) и фотоколлекция № 1845 были переданы им в МАЭ в 1911 г.

¹⁸ Печатался под псевдонимами Сигма, Сергей, Норманский.

оказался вовлечен русский зоолог Н. В. Богоявленский (1870–1930), который прибыл сюда в 1902 г. для сбора материала по жемчужному промыслу. Правители прибрежных княжеств использовали русского ученого для того, чтобы напомнить о себе. Сохранившие свое значение работы Н. В. Богоявленского по жемчужному промыслу, равно как и его путевые заметки и дипломатическая переписка были не так давно опубликованы в одном томе (Горячкин, Кислова 1999).

В поисках чистокровных арабских лошадей в 1888 и 1890 гг. Сирийскую пустыню посетили чрезвычайно богатые русские путешественники — княгиня О. А. Щербатова (1857–1944) с супругом и своим братом С. А. Строгановым. Результатом поездки стало создание конного завода, сыгравшего громадную роль в племенной работе, направленной на сохранение и развитие лучших качеств не только арабской, но и других отечественных пород лошадей, а также две книги, содержащие в том числе интересный историко-этнографический материал (Щербатов 1900, Щербатова 1903).¹⁹

По понятным причинам в указанных работ, как и в сочинениях английских офицеров и дипломатов, историко-этнографический материал имеет сугубо подчиненное значение. Однако каждый из таких источников заслуживает внимания специалиста по этнографии Аравии. В этом отношении безусловный интерес представляет и талантливая книга советского дипломата Г. А. Астахова (1897–1942) (см.: Анкарин 1931), дважды побывавшего в Йемене в 1928 г. и сыгравшего ключевую роль в подготовке и подписании первого двустороннего договора о дружбе и торговле между СССР и Йеменским Мутаваккилийском королевством (1928).²⁰ Наблюдательность Астахова, занятого в Йемене достаточно напряженной работой, встречавшей серьезное противодействие конкурентов, сделала бы честь этнографу-профессионалу. Так, во время караванного перехода из Ходейды в Сану он тщательно фиксирует особенности ночных переходов, поясняет четкое «разделение труда» между верблюдами, ослиами и мулами, которые традиционно использовались в караване для разных целей, отмечает смену породы верблюдов при переходе с равнины в горы (Анкарин: 71–167). Все это — важные и тысячелетиями отработанные элементы организации торговых караванов, которые в своей совокупности были проанализированы в научной литературе сравнительно недавно (подробнее см.: Бухарин 2009: 20, 25–26, 238–239, 272).

¹⁹ Очерк истории арабского коневодства в России, а также комментированное издание этих трудов и ряда архивных документов были опубликованы мной на арабском языке (см.: Ризфан 2005).

²⁰ Г. А. Астахов публиковался под псевдонимами Г. Гастов, Г. Анкарин, Ю. Тишанский. По возвращении из Йемена он передал в МАЭ две фотоколлекции (№ 3928 и 3929) и традиционные йеменские сандалии из рыжей кожи (коллекция № 3927).

СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ЭКСПЕДИЦИИ В АРАВИЮ

Публикации историко-этнографического характера занимают важное место среди результатов работы Советско-Йеменской комплексной экспедиции (см. ниже). Опыт 2017–2018 гг. вновь подтвердил высокую эффективность полевых выездов в Аравию с историко-этнографическими целями. Так, в марте 2017 г. в рамках проекта «Материальный мир Корана (повседневная жизнь Аравии времен Пророка)» в султанате Оман прошла международная историко-этнографическая экспедиция по маршруту Маскат — Рустак — Нахал — Вади Мистал — Вади Бани Харус — Тануф — Бахла — Джибрин — ал-Хамра — Мисфат ал-Абрийин — Вади Гул — Джабал Шамс — Хайма — Салала — Дукм — Сур — Ибра — Маскат. Отечественные этнографы первый раз получили возможность реализовать исследовательский проект на территории Омана, в одной из наиболее самобытных историко-культурных областей Аравии, сохранившей богатейший материал для построения этнокультурных моделей и реконструкций.²¹

В сентябре–октябре 2017 г. состоялся первый этап международной историко-этнографической экспедиции в Иорданию. Экспедиция прошла по маршруту Амман — Джераш — побережье Мертвого моря — Аджлун и Пелла — «Уммайадские замки» — Мабада — Петра — Вади Рум — Акаба — Амман.²²

В апреле–мае 2018 г. в рамках того же проекта «Материальный мир Корана (повседневная жизнь Аравии времен Пророка)» состоялась исследовательская поездка в Катар.²³ По результатам будет подготовлена научная работа, посвященная исследованиям русского зоолога проф. Н. В. Богоявленского, реализованным в ходе его посещения Залива в 1902 г. Участниками экспедиций собран богатый полевой материал по этноботанике, системам орошения, традиционной архитектуре Аравии, особенностям функционирования древних торговых коридоров.

Знаменитая кораническая клятва («Клянусь смоковницей и маслиной...»). Коран, 95:2) воспринимается совершенно иначе, когда стоишь на смешанной плантации оливковых и фиговых деревьев в 30 км от 'Аммана. И в христианском, и в мусульманском мире широко известна легенда о семи спящих отроках эфесских (Коран, 18:21). Детали коранического рассказа (название места, ориентировка пещеры, строительство над ней храма и др.) дают основание предположить, что в Коране имеется в виду не эфесская пещера, традиционно считавшаяся местом действия христианского

²¹ Подробнее см.: URL: <http://ijma.kunstkamera.ru/rus/expedition01/> (дата обращения: 24.05.2018).

²² Подробнее см.: URL: <http://ijma.kunstkamera.ru/rus/expedition02/> (дата обращения: 24.05.2018).

²³ Подробнее см.: URL: http://www.kunstkamera.ru/news_list/science/2018_05_30/ (дата обращения: 24.05.2018).

сказания, а погребение на территории римского некрополя в окрестностях современного 'Аммана, с которым в Сирии и Палестине еще в доисламский период связывали действие этого сказания. В целом же наши экспедиционные материалы показывают, что формирование корпуса ветхо- и новозаветных пророческих преданий, зафиксированных Кораном, тесно связано с существованием цепочки святых мест (если не прямо обусловлено ею), протянувшихся вдоль важнейших аравийских караванных маршрутов.

Сегодня наш экспедиционный архив содержит тысячи фотографий и десятки часов профессионального видео, которые составят важную часть готовящейся в МАЭ публикации, посвященной материальному миру Корана.

КОРАНИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Профильные исследования на территории современной Саудовской Аравии начались гораздо позже, чем в соседних с ней государствах и были куда менее интенсивными. В качестве первопроходцев здесь можно вспомнить американцев, предпринявших исследование золотоносной страны Махд аз-Захаб юго-восточнее Медины (1931), принесшее информацию не только о возможности добывать здесь золото в промышленных масштабах, но и о множестве древнейших рудников. В 1930-е — 1950-е гг. активные раскопки велись лишь на Юге полуострова (Северный Йемен, Хадрамаут, Катабан, Мариб, Дофар). Подлинное археологическое открытие Внутренней Аравии произошло лишь в последние 50 лет, когда здесь активно начали работать французские, английские, немецкие, американские, итальянские и австралийские археологические миссии, в работе которых постепенно все большее участие стали принимать саудовские археологи.²⁴ Результатом стали сенсационные находки, представленные миру в рамках прекрасного выставочного проекта «Пути Аравии. Археологические сокровища Саудовской Аравии» (Routes d'Arabie... 2010). Одним из важнейших результатов этого проекта стало появление концепции коранической археологии, впервые сформулированной М. Б. Пиотровским (2014: 40–47).²⁵

Серьезный вклад в археологическое изучение Йемена внесли отечественные специалисты, работавшие сначала по программам Советско-Йеменской комплексной экспедиции, а затем участвуя и в ряде международных проектов.²⁶

²⁴ Среди основных обзорных работ: (Al-Rashid 1975; Al-Ansari 1982; Al-Rashid 1986; Hashim 2007).

²⁵ Развернутую аргументацию можно найти также в его предисловии к каталогу выставки, прошедшей в Государственном Эрмитаже в мае–сентябре 2011 г. (Пиотровский 2011: 13–40) и в его публичных лекциях, см.: URL: http://univertv.ru/video/istoriya/obwee/koranicheskaya_arheologiya/ (дата обращения: 25.01.2017).

²⁶ Подробную библиографию см.: (Страна благовоений... 2007: 36–43; см. также: Пиотровский, Седов 2005).

Комплексные работы М. Д. Бухарина (2007; 2009), ставшие результатом изучения данных древнеюжноаравийских надписей, сведений античной и средневековой географической традиции, а также результатов археологических исследований, обозначили уже новый, в первую очередь, аналитический этап в археологическом изучении Аравии. Богатейшие материалы, связанные с изучением древней Южной Аравии позволили вплотную подойти к историко-этнографическому изучению региона (Бретон 2003).

По известным причинам идеологического порядка археологические исследования, связанные с рубежом VI–VII вв., то есть собственно периодом возникновения ислама, на территории Саудовской Аравии и, в первую очередь в священных для всех мусульман местах, не проводятся. Именно отсутствие материалов по этому ключевому периоду и позволяет спекулировать на интерпретации единичных находок, сделанных вне саудовской территории.

Коран свидетельствует о том, что жители Мекки отчетливо представляли себе, как выглядят роскошные дворцы, поражавшие блестящими, словно серебро, потолками (возможно из серебряной смальты), лестницами и дверями, ведущими в горницы, уставленные ложами и украшенные цветными орнаментами (мозаиками или росписями). «И если бы не случилось того, что люди будут одной общиной, Мы бы для тех, кто не верует в Милосердного, устроили у домов потолки [блестящие как] из серебра и лестницы, по которым они поднимаются, и у домов их двери и ложа, на которых они возлежат, и украшения. Но все это — только блага здешней жизни, а будущая — у твоего Господа для богобоязненных»²⁷ (Коран, 43:33–35). Время создания Корана совпало с расцветом мозаичного искусства Византии. Расположенные в Северной Аравии (например, на территории современной Иордании) храмы и умайядские замки и сегодня сохранили для нас блестящие образцы мозаик и настенных росписей.

На протяжении веков Аравия находилась не просто в окружении наиболее развитых государств, но в той или иной степени являлась их частью, при этом история древней Аравии нашла свое отражение во множестве коранических сказаний, посвященных Худу, Салиху, Шуайбу...

Неспециалисту это может показаться невероятным, но, например, значительный фрагмент стеной росписи из Карйат ал-Фау во Внутренней Аравии донес до наших дней подробное изображение дома-башни (III в. до н. э. — III в. н. э.), живые и жилые параллели которому были подробно исследованы и описаны участником Советско-Йеменской комплексной экспедиции Ю. Ф. Кожиним (1992).

²⁷ Здесь и далее тексты Корана даются в переводе И. Ю. Крачковского (1963).

Инфраструктура древних торговых путей, и связанные так или иначе с ней коранические предания сохранили для нас огромный пласт ценнейшей информации, непосредственно связанной с Кораном.

ПРОФИЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЕВ МИРА

Коллекции как ведущих музеев мира, так и небольших музейных комплексов (в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке) содержат множество предметов, имеющих прямое отношение к материальной культуре Корана. Это по большей части результат археологических работ, упомянутых выше. В последние десятилетия было организовано множество выставочных проектов, так или иначе представляющих материальную культуру древней и раннесредневековой Аравии, равно как и окружающих ее земель. Здесь мы хотим обратить внимание только на два таких проекта, результаты которых, на наш взгляд, исключительно важны и, несомненно, будут востребованы специалистами еще очень долго. Речь идет об уже упомянутом выше проекте «Пути Аравии» и о выставке «Византия и ислам. Эпоха перехода», прошедшей в 2012 г. в Музее искусств Метрополитен (Byzantium and Islam... 2012).

Идея выставочного проекта «Пути Аравии. Археологические шедевры Саудовской Аравии сквозь века» родилась в 2006 г. в ходе визита в Эр-Рияд президента Франции Жака Ширака. Этим объясняется и ключевая роль Франции в реализации проекта, в основе которого лежит идея мобильности и международного сотрудничества ученых, занимающихся изучением истории и культуры Аравии. Базовый состав выставочного проекта (320 экспонатов из 11 саудовских музеев) был показан на его открытии в Лувре в 2010 г. В ходе выставочного тура состав мог изменяться (со 135 экспонатов в Риме до 466 экспонатов в Токио).

Представленные на выставке экспонаты охватывают громадный период: от палеолита до конца правления 'Абд ал-'Азиза б. Са'уда (1953 г.), при этом до двух третей выставочных материалов посвящены доисламской истории Аравии. Анализ представленных экспонатов неопровержимо доказывает, что Аравия, являясь на протяжении тысячелетий важнейшим торговым перекрестком, издавна входила в круг наиболее развитых цивилизаций Передней Азии и Среднего Востока. Отсюда становится понятным, почему особенности аравийской повседневности времен пророка свидетельствуют о таком уровне развития ключевых районов Аравии, который вплотную приближался к соответствующему уровню цивилизаций, граничивших с полуостровом на Северо-Западе и Востоке (Кудрявцева, Резван 2016: 252–257). В том числе и поэтому новая религиозная система, возникшая в Аравии, успешно доказала свою «конкурентоспособность» в схватке за умы и души многих и многих миллионов

адептов других, более древних и развитых религиозных систем. Ислам побеждал легко потому, что его предписания, образы, сказания по большей части были «своими» на всем громадном пространстве посреднической торговли, расположенном вдоль важнейших ветвей древнего Пути благовоний.

В своей «доисламской части» проект «Пути Аравии» может рассматриваться как развернутое введение к выставке «Византия и ислам. Эпоха перехода», которая представила более 200 экспонатов из более чем 50 музейных собраний разных стран. Речь идет как о предметах сакрального искусства, представляющего православную, коптскую и сирийскую церковные, а также иудейскую традиции, так и о богатейшем наборе предметов, представляющих жизнь мирскую: разного рода текстиль, украшения, утварь домашнюю и торговую...

Формально выставка была выстроена вокруг рассказа о том, как на протяжении двух веков в завоеванных мусульманами южных провинциях Византийской империи фигуративизм трансформировался в нефигуративное искусство ислама (цепь образов связывает византийскую мозаику с исламской каллиграфией).

Материалы выставки подчеркивают удивительную преемственность в культуре и искусстве рассматриваемых территорий на протяжении по меньшей мере VI–IX вв. Здесь издавна говорили и писали на греческом, коптском, арамейском и арабском языках, но к началу VIII в. чаша весов решительно склоняется в сторону арабского, который постепенно становится в том числе и языком местной христианской культуры. То же можно сказать как о технологиях, так и о предпочтениях, связанных с материальной культурой. Преемственность здесь сохранялась вплоть до начала IX в., при этом предпочтения все более, особенно после переноса столицы Халифата в Багдад, склонялись в сторону культуры персидской.

Для нас важно, что на протяжении нескольких веков до ислама Аравия была местом соперничества византийской и сасанидской (а до того — римской и парфянской традиций). Проявления такого соперничества и взаимодействия мы находим во многих областях материальной культуры Аравии (от архитектуры и убранства жилища, до одежды и украшений). Естественным образом эти процессы нашли свое отражение и в тексте Корана.

Остается только мечтать об осуществлении подобного исследовательского и выставочного проекта с условным названием «Персия и ислам. Эпоха перехода». Сопоставление полученных материалов позволит детально изучить и представить, как важнейшие историко-культурные перемены, охватившие регион в интересующий нас период, находили свое отражение в различных областях материальной и духовной культуры, в том числе и в повседневной жизни людей. Осуществление такого проекта позволит в некоторой степени преодолеть определенную

«однобокость» в изучении взаимодействия Аравии V–VII вв. с внешним миром: сегодня мы значительно больше знаем о западном — средиземноморско-византийском — векторе культурного взаимодействия, чем о векторе сасанидском. Вспомним о лахмидской ал-Хире, чье культурное значение было несопоставимо с влиянием гассанидской Джабии, вспомним о Басре и Куфе — важнейших центрах исламской учености, сформировавшихся в уммайдское время.

Совпадение образов коранического рая с образами, представленными Сасанидской торевтикой, так же, как и серия профильных лексических заимствований из среднеперсидского и арамейского, несомненно, указывают на Персию, а точнее — на зависимые от Сасанидского Ирана пограничные аравийские княжества в качестве источника как предметов, так и представлений о предметах роскоши, бытовавших в Мекке времен Пророка и нашедших свое отражение в кораническом описании рая (Кудрявцева, Резван 2016: 147).

Указанные выше источники и подходы позволяют получить важнейший материал по воссозданию характерных для Аравии изучаемого периода территориальных единиц и типов поселений, типов одежды и жилищ, важнейших элементов социальной и хозяйственной организации, специфики методов водоснабжения, земледелия и садоводства, роли разных типов животных в хозяйственном обороте, системы питания. Для нас важно, что такие исследования позволяют вскрыть многие особенности живых и противоречивых процессов, которые шли в обществе оседлых центров Аравии накануне возникновения ислама и во многом сформировали тот его первоначальный облик, который позволил в самые короткие сроки создать огромное мусульманское государство, раскинувшееся от Пиренеев до Китая.

* Статья написана в рамках проекта РФФИ № 18-09-00100 «Кораническая этнография 1. Материальная культура Корана». Я искренне благодарен А. Ю. Кудрявцевой, которая в ходе подготовки текста статьи щедро делилась со мной результатами своих исследований, посвященных материальной культуре Аравии времен Пророка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абд аль-Малик ибн Хишам. Жизнеописание пророка Мухаммада, рассказанное со слов аль-Баккаи, со слов Ибн Исхака аль-Мутталиба (первая половина VIII века). М., 2003.

Абу Са'ид ас-Суккари. Китаб шарх аш'ар ал-хузайлийин. Каир, 1965.

Адамов А. А. Ирак арабский. Бассорский Вилайэт в его прошлом и настоящем. СПб., 1912.

Айям ал-'араб фи ал-джахилийя. Каир, 1942.

Анкарин Г. По Йемену. М., 1931.

Аравия. Материалы по истории открытия. М., 1981.

Белова А. Г. Арабский язык в доисламский и раннеисламский периоды. Опыт функциональной реконструкции // Функциональная стратификация языка. М., 1985. С. 140–157.

Бретон Ж. Ф. Повседневная жизнь Аравии Счастливой времен царицы Савской. VIII век до н. э. — I век н. э. М., 2003.

Бухарин М. Д. Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье: торговые и историко-культурные связи. М., 2009.

Бухарин М. Д. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: текст, перевод, комментарий, исследования. СПб., 2007.

Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745 — конец XX в.). М., 1999.

Горячкин Г. В., Кислова М. А. Поездка Н. В. Богоявленского в арабские княжества Персидского залива в 1902 г. М., 1999.

Грязневич П. А. Развитие исторического сознания арабов (VI–VIII вв.) // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982. С. 75–155.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

[Давлетшин А.] Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз. СПб., 1899.

Дмитриев Н. К. Ксения Савельевна Кашталева // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2001. № 6. С. 114–129.

Ибн Исхак. Жизнеописание Пророка. Великая битва при Бадре. М., 2009.

Ибн Хишам. Ас-сират ан-набауийя: в 4 т. Бейрут, 1990.

Иванов В. В. До — во время — после? (вместо послесловия) // Х. Франкфорт, Х. А. Франкфорт, Дж. А. Вильсон. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984.

Кожин Ю. Ф. Традиционная архитектура Хадрамаута (Йеменская Республика): дис. ... канд. архитектуры. СПб., 1992.

Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского; предисл. В. И. Беляева, П. А. Грязневич. М., 1963.

Куделин А. Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М., 2003.

Куделин А. Б. «Ас-Сира ан-набавийя» Ибн Исхака — Ибн Хишама (к истории текста и проблеме авторства) // Письменные памятники Востока. 2009. № 2 (11). С. 90–100.

Куделин А. Б. «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама и проблема становления связного повествования в средневековой арабской историографии // Обретенное время: сб. тр. памяти Андрея Дмитриевича Михайлова. М., 2014. С. 36–56.

Куделин А. Б. «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама: между историографией и литературой // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1. № 1–2. С. 91–107.

Кудрявцева А. Ю., Резван Е. А. Человек в Коране и доисламской поэзии: учебное пособие. СПб., 2016.

Монроу Дж. Т. Устный характер доисламской поэзии // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978. С. 93–142.

Негря Л. В. Общественный строй северной и центральной Аравии в V–VII вв. М., 1981.

Панях А. В. Из истории библиотеки Императорского Православного Палестинского общества в собрании Научной библиотеки Государственного музея истории религии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 17. Вып. 4. С. 144–149.

Перишц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. (историко-этнографические очерки). М., 1961.

Пиотровский М. Б. Кораническая археология // Исследования по Аравии и исламу: сб. ст. в честь 70-летия Михаила Борисовича Пиотровского. М., 2014. С. 40–47.

Пиотровский М. Б. Новое открытие Аравии // Пути Аравии. Археологические сокровища Саудовской Аравии: каталог выставки. СПб., 2011. С. 13–40.

Пиотровский М. Б., Седов А. В. Цивилизация древнего Йемена (двадцать лет полевых исследований комплексной экспедиции Российской Академии наук на юге Аравии) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М., 2005. Вып. 1. С. 116–131.

Полосин Вл. В. Словарь поэтов племени ‘абс VI–VIII вв. М., 1995.

Резван Е. А. Коран и его мир. СПб., 2001.

Резван Е. А. Коран как историко-этнографический источник и литературный памятник: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000а.

Резван Е. А. Этносоциальная терминология Корана как источник по истории и этнографии Аравии на рубеже VI–VII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.

Ризфан И. Ал-Хаджж кабла ми’а сана. Ар-Рихла ас-сиррийа ли-д-дабит руси Абд ал-Азиза Давлетшин ила-л-Макка ал-Мукаррама. 1898. Бейрут, 1993. [Хаджж сто лет назад: секретная миссия русского офицера Абд ал-Азиза Давлетшина в Мекку. 1898 г.].

Ризфан И. Ал-Хисан ал-‘араби фи Русия. Дубай, Марказ Джума‘ ал-Маджид ли-турас ва сакафа, 2005. [Арабская лошадь в России].

Страна благовоний. Йемен: образы традиционной культуры: каталог выставки. СПб., 2007.

Сыромятников С. Н. Очерки Персидского Залива. СПб., 1907.

Сыромятников Б. Д. «Странные» путешествия и командировки «Сигмы» (1897–1916 гг.): историко-документальная повесть расследование. СПб., 2004.

Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. М., 1987.

Федотов П. В. Коллекция фотографий Императорского Православного Палестинского общества в Государственном музее истории религии // ИППО. Иерусалимское отделение. URL: Jerusalem-ippo.org/history/name/2/1_09_2014 (дата обращения: 26.06.2018).

Хусайни С. Барраси-йе анва‘-е киссе-ха-йе Кур’ан (базшенаси-йе гуне-ха-йе ваке‘нема, немадин, остуреи). Кум, 1394/1974.

Шелковников Б. И. Войска и район VI-го Турецкого корпусного округа (Багдадский, Мосульский, Бассорский): Отчет о командировке в Месопотамию в 1902–1903 гг. Тифлис, 1904.

Щербатов А. Г. Книга об арабской лошади. СПб., 1900.

Щербатова О. А. Верхом на родине бедуинов, в поисках за кровными арабскими лошадьми: (2600 верст по аравийским пустыням в 1888–1900 гг.). СПб., 1903.

Al-Ansari A. M. T. Qaryat al-Fau. A Portrait of Pre-Islamic Civilization in Saudi Arabia. Riyadh, 1982.

[*Al-Bukhari*] The Translations of the Meanings of Sahih al-Bukhari: Arabic-English. Riyadh, 1997.

Al-Rashid S. A. An Introduction to Saudi Arabian Antiquities. Riyadh, 1975.

- Al-Rashid S. A.* Al-Rabadhah. A Portrait of Early Islamic Civilization in Saudi Arabia. Riyadh, 1986.
- Ambros A. A.* Concise Dictionary of Koranic Arabic. Wiesbaden, 2004.
- Ambros A. A., Procházka St.* The Nouns of Koranic Arabic Arranged by Topics. A Companion Volume to the “Concise Dictionary of Koranic Arabic”. Wiesbaden, 2006.
- Arazi A., Masalha S.* Six Early Arab Poets: New Edition and Concordance. Jerusalem, 1999.
- Badawi E., Haleem M. A.* Arabic-English Dictionary of Qur’anic Usage. Brill, 2007.
- Bannister A. G.* An Oral-Formulaic Study of the Qur’an. Plymouth, 2014.
- Bochart S.* Samuelis Bocharti Geographia sacra seu Phaleg et Canaan. Caen, 1692.
- Brown J. A. C.* Hadith: Muhammad’s Legacy in the Medieval and Modern World. Oxford, 2009.
- Brown J. A. C.* The Canonization of al-Bukhari and Muslim: The Formation and Function of the Sunni Hadith Canon. Leiden; Boston, 2007.
- Brown J. A. C.* The Social Context of Pre-Islamic Poetry: Poetic Imagery and Social Reality in the Mu‘allaqat // Arab Studies Quarterly. 2003. Vol. 25. № 3. P. 29–50.
- Byzantium and Islam: Age of Transition, 7th–9th century. New York, 2012.
- Freeth Z., Winstone H. V. F.* Explorers of Arabia. From the Renaissance to the end of the Victorian era. London; Boston, 1978.
- Hauptner E.* Koranische Hinweise auf die materielle Kultur der alten Araber: inaugural Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades einer Hohen Philosophischen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen. Tübingen, 1966.
- Hashim S. A.* Pre-Islamic Ceramics in Saudi Arabia. Riyadh, 2007.
- Horowitz J.* The Earliest Biographies of the Prophet and Their Authors // Islamic Culture. 1928. Vol. 2. P. 22–50, 164–182, 495–526.
- Jacob G.* Altarabisches Beduinenleben nach den Quellen geschildert. Berlin, 1897.
- Kudriavtseva A., Rezvan E.* Translation of the Qur’an and Ethnography of Daily Life // Manuscripta Orientalia. 2013. Vol. 9. № 2. P. 19–25.
- Lewin B.* A Vocabulary of the Hudailian Poems. Göteborg, 1978.
- Martin R. C.* Understanding the Qur’an in text and context // History of Religions. 1982. Vol. 21. № 4. P. 361–384.
- Reilly B.* Arabian Travellers, 1800–1950: An Analytical Bibliography // British Journal of Middle Eastern Studies. 2016. Vol. 43. Iss. 1. P. 71–93.
- Rezvan E.* Russian Ships in the Gulf. 1899–1903. London, 1994.
- Routes d’Arabie. Trésors archéologiques du royaume d’Arabie Saoudite [Exposition, Paris, musée du] Louvre, [14 juillet — 27 septembre 2010]. Paris, 2010.
- Samuk al-S. M.* Die historische n Überlieferungen nach Ibn Ishaq. Eine synoptische Untersuchung, Diss. Frankfurt-am-Main, 1978.
- Schæler G.* Écrire et transmettre dans les débuts de l’islam. Paris, 2002.
- Sepir E.* Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality. Berkeley, 1949.
- Toral-Niehoff I.* Talking about Arab Origins: The Transmission of the ayyam al-‘arab in Kufa, Basra and Baghdad // The Place to Go: Contexts of Learning in Baghdad, 750–1000 C. E. Princeton, 2014. P. 43–69.

Trench R. Arabian Travellers: The European Discovery of Arabia. Topsfield, 1986.

Wansbrough J. Quranic Studies: Sources and Methods of Scriptural Interpretation. Oxford, 1978.

Zammit M. R. A Comparative Lexical Study of Quranic Arabic. Leiden; Boston; Köln, 2002.

THE QUR'ANIC ETHNOGRAPHY: METHODOLOGICAL APPROACHES AND SOURCES

ABSTRACT. The Qur'anic ethnography as self-contained research area is being formed only today, while it is based on the results of specialized studies of previous years and is closely related to the studies of the Qur'anic language and the language milieu of Arabia in the time of the Prophet, to the ethnographical field studies in Arabia as well as the Qur'anic archaeology. The key information can be provided by the most important written monuments related to Arabia of that time (poetry, "Ayyam al-Arab", "Sira" by Ibn Ishaq, "al-Sahih" by al-Bukhari), as well as the texts of European travelers to Arabia from the 18th to the early 20th centuries, as well as the study of specialized of museum collections around the world. The work undertaken within the framework of the research area is intended to give a more idiographic picture of the course of historical events related to the emergence of Islam, to provide independent evidence that allows, in some cases, to clarify the chronology of the facts and to date the texts. The results obtained with the help of Qur'anic ethnography approaches help in clarifying the meaning of the Qur'anic texts, as they reconstruct the historical background of their origin. The most important goal of the Qur'anic ethnography is the scientific provision of work on the creation of a new translation of the Qur'an, because all existing dictionaries to the Qur'an, as well as its translations, are based to a very great extent on the commentaries (*tafsir*) to the Qur'an, which are much later sources than the Qur'an itself, and impose on us the meanings that arose in another place and in another time.

KEYWORDS: The Qur'an, the Qur'anic ethnography, Arabia at the turn of the 6th–7th centuries, the rise of Islam, material culture, the daily life of Arabia at the turn of the 6th–7th centuries, language of the Qur'an, the pre-Islamic poetry and poetry of the Prophet's contemporaries, the Arabian epigraphy, "Ayyam al-Arab", "Sira" by Ibn Ishaq, "al-Sahih" by al-Bukhari, 18th — early 20th century travelers to Arabia, historical and ethnographic expeditions to modern Arabia, the Qur'anic archaeology, specialized museum collections

Efim A. REZVAN — Doctor of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the *Kunstkamera*) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: efim.rezvan@mail.ru

REFERENCES

- Al-Ansari A. M. T. *Qaryat al-Fau. A Portrait of Pre-Islamic Civilization in Saudi Arabia*. Riyadh: Croom Helm Ltd, 1982, 224 p. (in English).
- Al-Rashid S. A. *Al-Rabadhah. A Portrait of Early Islamic Civilization in Saudi Arabia*. Riyadh: King Saud Univ., 1986. (in English).
- Al-Rashid S. A. *An Introduction to Saudi Arabian Antiquities*. Riyadh: Department of Antiquities and Museums, Ministry of Education, 1975. (in English).
- Ambros A. A. *Concise Dictionary of Koranic Arabic*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2004, 384 p. (in English).
- Ambros A. A., Procházka St. *The Nouns of Koranic Arabic Arranged by Topics. A Companion Volume to the "Concise Dictionary of Koranic Arabic"*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2006, 128 p. (in English).
- Ankarin G. *Po Yemenu [Through Yemen]*. Moscow: OGIZ; Molodaya gvardiya Publ., 1931. (in Russ.).
- Araviya. Materialy po istorii otkrytiya [Arabia. Materials on the History of Discovery]*. Moscow: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1981, 368 p. (in Russ.).
- Arazi A., Masalha S. *Six Early Arab Poets: New Edition and Concordance*. Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem, Institute of Asian and African Studies, 1999, 1357 p. (in English).
- Badawi E., Haleem M. A. *Arabic-English Dictionary of Qur'anic Usage*. Leiden: Brill, 2007, 1070 p. (in English).
- Bannister A. G. *An Oral-Formulaic Study of the Qur'an*. Plymouth: Lexington Books, 2014, 332 p. (in English).
- Belova A. G. [Arabic language in pre-Islamic and early Islam periods. Experience in functional reconstruction]. *Funktsionalnaya stratifikatsiya yazyka [Functional Stratification of the Language]*. Moscow: Nauka Publ., 1985, pp. 140–157. (in Russ.).
- Breton Zh. F. *Povsednevnyaya zhizn Aravii Schastlivoy vremen tsaritsy Savskoy. VIII vek do n. e. — I vek n. e. [Arabia Felix from the Time of the Queen of Sheba: 8th Century B.C. to 1st Century A.D.]*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2003, 256 p. (in Russ.).
- Brown J. A. C. *Hadith: Muhammad's Legacy in the Medieval and Modern World*. Oxford: One World, 2009, 320 p. (in English).
- Brown J. A. C. *The Canonization of al-Bukhari and Muslim: The Formation and Function of the Sunni Hadith Canon*. Leiden; Boston: Brill, 2007, 454 p. (in English).
- Brown J. A. C. *The Social Context of Pre-Islamic Poetry: Poetic Imagery and Social Reality in the Mu'allaqat*. *Arab Studies Quarterly*, 2003, vol. 25, no. 3, pp. 29–50. (in English).
- Bukharin M. D. *Araviya, Vostochnaya Afrika i Sredizemnomore: torgovye i istoriko-kulturnye svyazi [Arabia, East Africa and the Mediterranean: Trade and Historical-Cultural Ties]*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2009, 360 p. (in Russ.).
- Bukharin M. D. *Neizvestnogo avtora «Peripl Eritreyskogo morya» [“Periplus of the Eritrean Sea” by Unknown Author]*. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2007, 440 p. (in Russ.).
- Byzantium and Islam: Age of Transition, 7th–9th Century*. New York: Metropolitan Museum of Art, 2012, 352 p. (in English).

Dmitriev N. K. [Ksenia Savelievna Kashtaleva]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'* [East. Afro-Asian societies: History and Modernity], 2001, no. 6, pp. 114–129. (in Russ.).

Fedotov P. V. *Kollektsiya fotografii Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva v Gosudarstvennom muzee istorii religii* [A Collection of Photographs of the Imperial Orthodox Palestine Society at the State Museum of the History of Religion]. Available at: Jerusalem-ippo.org/history/name/2/1_09_2014 (accessed: 26.06.2018). (in Russ.).

Freeth Z., Winstone H. V. F. *Explorers of Arabia. From the Renaissance to the End of the Victorian Era*. London; Boston: Allen & Unwin, 1978, 308 p. (in English).

Goryachkin G. V., Kislova M. A. *Poezdka N. V. Bogoyavlenskogo v arabskie knyazhestva Persidskogo zaliva v 1902 g.* [Trip of N. V. Bogoyavlensky to the Arabian Principalities of the Persian Gulf in 1902]. Moscow: Institute of Asia and Africa of Moscow State Univ., 1999, 184 p. (in Russ.).

Gryaznevich P. A. [The Development of the Historical Consciousness of the Arabs (6–8th Centuries)]. *Ocherki istorii arabskoy kultury V–XV vv.* [Essays on the History of Arabic Culture of the 5–15th Centuries]. Moscow: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1982, pp. 75–155. (in Russ.).

Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoy kultury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1972, 318 p. (in Russ.).

Hauptner E. *Koranische Hinweise auf die materielle Kultur der alten Araber: inaugural Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades* [Koranic References to the Material Culture of the Ancient Arabs: Diss. Doct.]. Tübingen: Fotodruck Präzis, 1966. (in German).

Hashim S. A. *Pre-Islamic Ceramics in Saudi Arabia*. Riyadh: Ministry of Education, Deputy Ministry of Antiquities and Museums, 2007, 322 p. (in English).

Horovitz J. The Earliest Biographies of the Prophet and Their Authors. *Islamic Culture*, 1928, vol. 2, pp. 22–50, 164–182, 495–526. (in English).

Ivanov V. V. [Up to — During — After? (Instead of Afterword)]. H. Frankfort, H. A. Frankfort, G. A. Vilson. *V preddverii filosofii. Dukhovnye iskaniya drevnego cheloveka* [Before Philosophy. The Intellectual Adventure of Ancient Man]. Moscow: Nauka Publ., 1984, pp. 3–21. (in Russ.).

Kozhin Yu. F. *Traditsionnaya arkhitektura Khadramauta (Yemenskaya Respublika)*: kand. diss. [Traditional Architecture of Hadramaut (Yemen Republic). Diss. Cand.]. St. Petersburg, 1992, 165 p. (in Russ.).

Kudelin A. B. [“Al-Sīra al-Nabawiyya” by Ibn Ishāq — Ibn Hishām: The History of the Text and the Problem of Authorship]. *Pismennye pamyatniki Vostoka* [Written Monuments of the East], 2009, no. 2 (11), pp. 90–100. (in Russ.).

Kudelin A. B. [“The Life of Muḥammad” by Ibn Ishāq — Ibn Hishām and the Problem of the Formation of a Connected Narrative in Medieval Arab Historiography]. *Obretennoe vremya: sbornik trudov pamyati Andrey Dmitrievicha Mikhaylova* [Time Found: a Collection of Works of Memory of Andrei Dmitrievich Mikhailov]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, 2014, pp. 36–56. (in Russ.).

Kudelin A. B. [“The life of Muḥammad” by Ibn Ishāq — Ibn Hishām: Between Historiography and Literature]. *Studia Litterarum*, 2016, vol. 1, no. 1–2, pp. 91–107. (in Russ.).

Kudelin A. B. *Arabskaya literatura: poetika, stilistika, tipologiya, vzaimosvyazi* [Arabic Literature: Poetics, Stylistics, Typology, Interrelationships]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003, 512 p. (in Russ.).

Kudriavtseva A. Yu., Rezvan E. A. *Chelovek v Korane i doislamskoj poezii* [Man in the Qur'an and pre-Islamic Poetry]. St. Petersburg: Prezidentskaya biblioteka Publ., 2016, 271 p. (in Russ.).

Kudriavtseva A., Rezvan E. Translation of the Qur'an and Ethnography of Daily Life. *Manuscripta Orientalia*, 2013, vol. 9, no. 2, pp. 19–25. (in English).

Lewin B. A Vocabulary of the Hudailian Poems. Göteborg: Kungl. Vetenskaps- och Vitterhets-Samhället, 1978, 484 p. (in English).

Martin R. C. Understanding the Qur'an in Text and Context. *History of Religions*, 1982, vol. 21, no. 4, pp. 361–84. (in English).

Monroe J. T. [Oral Nature of pre-Islamic Poetry]. *Arabskaya srednevekovaya kultura i literatura* [Arab Medieval Culture and Literature]. Moscow: Nauka Publ., 1978, pp. 93–142. (in Russ.).

Negrya L. V. *Obshchestvennyy stroy severnoy i tsentralnoy Aravii v V–VII vv.* [The Social System of Northern and Central Arabia in the 5–7th Centuries]. Moscow: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1981, 157 p. (in Russ.).

Paneyah A. V. [From the History of the Library of the Imperial Orthodox Palestine Society in the Funds of the Scientific Library of the State Museum of History of Religion]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 17* [Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 17], 2014, iss. 4, pp. 144–149. (in Russ.).

Pershits A. I. *Khozyaystvo i obshchestvenno-politicheskiy stroy Severnoy Aravii v XIX — pervoy trety XX v. (istoriko-etnograficheskie ocherki)* [The Economy and Socio-Political System of Northern Arabia in the 19 — first third of the 20th Century (Historical and Ethnographic Essays)]. Moscow: Nauka Publ., 1961, 220 p. (in Russ.).

Piotrovskiy M. B. [The New Discovery of Arabia]. *Puti Aravii. Arkheologicheskie sokrovishcha Saudovskoy Aravii: katalog vystavki* [Roads of Arabia. Archaeological Treasures of Saudi Arabia: Exhibition Catalogue]. St. Petersburg: The State Hermitage Museum Publ., 2011, pp. 13–40. (in Russ.).

Piotrovskiy M. B. [The Qur'anic Archaeology]. *Issledovaniya po Aravii i islamu: sbornik statey v chest 70-letiya Mikhaila Borisovicha Piotrovskogo* [Studies on Arabia and Islam: a Collection of Articles in Honor of the 70th Birthday of Mikhail Borisovich Piotrovsky]. Moscow: The State Museum of Oriental Art Publ., 2014, pp. 40–47. (in Russ.).

Piotrovskiy M. B., Sedov A. V. [The Civilization of Ancient Yemen (Twenty Years of Field Research of the Complex Expedition of the Russian Academy of Sciences in the South of Arabia)]. *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN* [Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Nauka Publ., 2005, iss. 1, pp. 116–131. (in Russ.).

Polosin V. I. *Slovar poetov plemeni 'abs VI–VIII vv.* [Dictionary of Poets of the Tribe 'abs of the 6–8th Centuries]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1995, 606 p. (in Russ.).

Reilly B. Arabian Travellers, 1800–1950: An Analytical Bibliography. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 2016, vol. 43, iss. 1, pp. 71–93. (in English).

Rizfan Ifim. *Al-Hajj qabla mi'a sana. Ar-Rikhla as-sirriya li-d-dabit rusi Abd al-Aziza Davletshin ila-l-Makka al-Mukarrama. 1898* [Hajj Hundred Years Ago. Secret Mission of the Captain 'Abd al' Aziz Davletshin in the Highly Esteemed Mecca. 1898]. Beirut: Dar at-taqrib bayna mazahib islamiyya, 1993, 351 p. (in Arabic).

Rezvan E. A. *Etnosotsialnaya terminologiya Korana kak istochnik po istorii i etnografii Aravii na rubezhe VI–VII vv.*: kand. dis. [Ethnosocial Terminology of the Koran as a Source on the History and Ethnography of Arabia at the turn of the 6th–7th Centuries: Diss. Cand.]. Leningrad, 1984, 211 p. (in Russ.).

Rezvan E. A. *Koran i ego mir* [The Qur'ān and its World]. St. Petersburg: Vostochnaya literatura Publ., 2001, 608 p. (in Russ.).

Rizfan Ifim. *Al-Hisan al-'arabi fi Rusiya* [Arab Horse in Russia]. Dubai: Markaz Juma' al-Majid li-t-turath wa saqafa, 2005, 619 p. (in Arabic).

Rezvan E. *Russian Ships in the Gulf. 1899–1903*. London: Ithaca Publ., 1994, 165 p. (in English).

Rezvan E. A. *Koran kak istoriko-etnograficheskiy istochnik i literaturnyy pamyatnik*: doct. dis. [The Koran as a Historical and Ethnographic Source and Literary Monument: Diss. Doct.]. St. Petersburg, 2000a, 435 p. (in Russ.).

Samuk al-S. M. *Die historischen Überlieferungen nach Ibn Ishaq. Eine synoptische Untersuchung*: Diss. [The Historical Traditions of Ibn Ishaq. A synoptic Examination. Diss.]. Frankfurt-am-Main, 1978. (in German).

Schœler G. *Écrire et transmettre dans les débuts de l'islam* [Write and Transmit in the Beginnings of Islam]. Paris: Presses universitaires de France, 2002, 171 p. (in France).

Sepir E. *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*. Berkeley: Univ. of California Press, 1949, 632 p. (in English).

Strana blagovoniy. Yemen: obrazy traditsionnoy kultury: katalog vystavki [The Land of Incense. Yemen: Images of Traditional Culture: Exhibition Catalogue]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2007, 107 p. (in Russ.).

Toral-Niehoff I. *Talking about Arab Origins: The Transmission of the Ayyam Al-'arab in Kufa, Basra and Baghdad. The Place to Go: Contexts of Learning in Baghdad, 750-1000 C. E.* Princeton: Darwin Press, 2014, pp. 43–69. (in English).

Trench R. *Arabian Travellers: The European Discovery of Arabia*. Topsfield: Salem House, 1986, 224 p. (in English).

Trever K. V., Lukonin V. G. *Sasanidskoe srebro. Sobranie Gosudarstvennogo Ermitazha. Khudozhestvennaya kultura Irana III–VIII vekov* [Sasanid Silver. Collection of the State Hermitage. Art Culture of Iran 3–8th Centuries]. Moscow: Iskustvo Publ., 1987, 240 p. (in Russ.).

Vasilev A. M. *Istoriya Saudovskoy Aravii (1745 — konets XX v.)* [History of Saudi Arabia (1745 — late 20th Century)]. Moscow: Klassika plyus Publ., 1999, 672 p. (in Russ.).

Wansbrough J. *Quranic Studies: Sources and Methods of Scriptural Interpretation*. Oxford: Oxford Univ. Press 1978, 256 p. (in English).

Zammit M. R. *A Comparative Lexical Study of Quranic Arabic*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002, 658 p. (in English).